Пастернак Борис

11.05.94

Двадцать лет лежал без движения мой роман "Кровь Пастернака". По мотивам этой многострадальной работы, ходившей по многим рукам, и родилась притча. Меньше всего хотелось бы автору, чтоб досужий читатель жадно выискивал исторические прототипы и лжегероев эпохи. Роман и притча о другом. Об атмосфере, в которой творил, жил и умирал гениальный поэт.

АВТОР

Иван ОГАНОВ

Кровь Пастернака

Лит. газ. – 1994. – 11 мая. – с. 5.

Притча

Другой же из учеников Его сказал Ему: Господи! позволь мне прежде пойти, и похоронить отца моего.

Но Иисус сказал ему: иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов

РЫДАТЬ без родины. Кто-то отнял у одинокого снег и ангела. В сторожке старик на мягкой постели. За окном пространство завалено льдом. Сосульки – как иглы. Они горят жутко, эти свечи зимы.

Старик в холодных простынях с голой горячей тварью.

Ночь. Вдруг хруст. Ветка поцелуев треснула.

Это замерзшее яблоко ноября упало на венок из гиблых слов.

И на губах его печать...

Лара страстно целовала этот камень. Это вино. Он задыхался под женским жарким телом, этот пасынок Скрябина...

Тенью таланта зарезанный, он в снегу, и нищий дух желтел
пятнами на висках.

А за оконцем, под соснами, грели ладони сыщики.

Они подстерегали ободранного, голого старика.

Чтоб их обмануть, этих невежд, старик умер.

Нет, не я вам печаль причинил.
Я не стоил забвения родины.
Это солнце горело на каплях чернил,
Как в кистях запыленной смородины.

УТРО помещика. Степной помещик Конст. Васин сидел в вольтеровском кресле и глядел в окно. На заснеженные березы.

Его издавали миллионными тиражами. Но его никто не читал.

Ему нравилось все обставлять, а особенно ему хотелось обставить свои похороны.

В него швыряли юбилеи, венки и титулы. Бюро завалено грудами рукописей.

В сенях дремлют три личных секретаря.

Белая скатерть и засохший букетик тридцатилетнего возраста. Дубовый веночек с могилы Данте, куда он ездил с правительственной делегацией еще до войны, молодым классиком, горьковским выучеником.

Литературный патриарх. Старейшина. Дож.

Сейчас он был занят обдумыванием главы номер восемьсот один из романа-эпопеи трех поколений. Революция. Судьбы России. Партия большевиков и русский народ.

Последние двадцать лет он семнадцать раз предлагал эту неоконченную главу суду читателей посредством журналов, газет, кино и телевидения.

Он гордился тем, что он не писатель, а просто стилист.

Он был академиком прозы.

Цепляясь за это звание, он оправдывал хищническую свою жизнь.

Он подписывал любые бумаги. Он был благовоспитан.

Он ненавидел шум, крики, боль. Даже доносы он писал языком Тургенева.

Не было решительно ни единой буковки, куда не впивалось бы дрессированное жало этого классика.

Он курил трубку и с упоением работал над деепричастием в смертном приговоре.

Утром, счастливый и усталый, он бродил мокрым от ночного дождя садом.

Трогал палкой листья яблонь.

Кого-то потом тащили в тюремный двор и стреляли в затылок.

А Конст. Васин стоял у яблони, своей ровесницы, и задумчиво курил трубку.

Вился сизый дымок.

Капли стучали о яблоко.

Как-то, молодым человеком, он поселился в Ясной Поляне в музее Льва Толстого,– для обстановки гениальности, где писал роман о революции. Ему приносили свечи.

Он писал при серебряных дымящихся свечах.

Он достал бумажку и через Союз писателей добился права работать в спальне гения.

Вечером он снова зажигал свечи в столовой.

Ужинал с салфеткой на шее.

Лакеи приносили ему свежесваренный суп.

Конст. Васин задумчиво помешивал в дворянской тарелке золотой ложкой.

А вдруг Лев Толстой, живи он сейчас, был бы такой же гадиной?

Таинство странное вижу и преславное. Небо – вертеп: престол херувимский – Деву:

ясли вместилище, в ниже возлеже невместимый Христос Бог,

Его же воспевающе величаем...

"Темные дни и еще более темные вечера времен античности или Ветхого Завета, возбужденная чернь, пьяные крики, ругательства и проклятия на дорогах и возле кабака, которые доносились до меня во время вечерних прогулок; я не отвечал на эти крики и не шел в ту сторону, но и не поворачивал назад, а продолжал прогулку".

Борис Пастернак.
Письма к Жаклин де Пруайяр

Марина Цветаева – Пастернаку

"Здравствуй, Борис!

Шесть утра, все веет и дует.

Я только что бежала по аллейке к колодцу (две разные радости: пустое ведро, полное ведро) и всем телом, встречающим ветер, здоровалась с тобой.

Так я живу с тобой, утра и ночи, вставая в тебе, ложась в тебе".

Александр Фадеев – Конст. Федину

14 декабря 1950 года.

"Дорогой мой Костя!

Есть к тебе одна деловая просьба, одно деловое предложение, если хочешь.

Не согласился бы ты войти в секретариат Союза Советских писателей в качестве члена Секретариата?

Очень хочется, чтобы в секретариате прибавился хотя бы один писатель старшего поколения, авторитетный для всех.

Практически работы тебе не прибавилось бы по сравнению с тем, что ты и так имеешь.

Участвовать один раз в неделю на заседании, помочь советом.

По линии других "нагрузок" оставили бы за тобой, к примеру, ту же секцию прозы.

Но не могу тебе передать, как это было бы важно с точки зрения МОРАЛЬНОЙ, в интересах литературы в высоком смысле этого слова!

Другие настоящие люди в Секретариате тоже очень этого хотят.

Я могу обещать тебе беречь твое время.

Учти к тому же, что каждый член Секретариата имеет право на полный трехмесячный отпуск в году с сохранением содержания.

Зарплата – 6 тысяч рублей.

Крепко жму руку и обнимаю тебя с неизменной любовью.

Сердечный привет Доре.

Твой Саша".

СТЕПНОЙ помещик Конст. Васин сидел сгорбившись в своем старинном кресле на малиновых плюшевых подушках и угрюмо глядел в камин. Потрескивали поленья. Он озяб от холода. Потирал сухие детские руки. Внезапно поднялось кровяное давление, нарывало в голове маленькое извержение полузатухшего, давно забытого вулкана.

Медсестра из писательской поликлиники выпустила из белой детской руки старика стакан крови.

Конст. Васин протянул девочке в белой шапочке десятирублевку.

На чай.

Он целый день напряженно разглядывал стакан.

Подслеповатыми выцветшими глазами.

Шевелил немощной рукой.

Рукописи были убраны горничной с бюро.

Пустое поле мертвого сражения.

Кровь сначала была детской, свежей, как вишня, и пахучей.

Потом, спустя час, посинела.

Он глухо наблюдал это Преосуществление. Это Таинство.

Слабые глаза ныли. Подали чай. Утром кровь начала чернеть.

Он замер в кресле, оцепеневший от страха.

По радио передавали двенадцатый вариант главы его романа о революции. Надтреснутый голос звучал, как из могилы. Читал он сам, накануне его бессмертный голос записали на пленку для Золотого фонда.

Чего-то испугавшись, мэтр вскочил и поплелся к гардеробу.

Надел белую похоронную рубашку с кружевами, страшно официальный костюм мученика (в нем он хоронил самого Горького), повязал на худую шею галстук.

Поглядел на себя в зеркало. Тощая сухая шея ввалилась.

Из зеркала зияла бездна.

Надо было успеть добежать до высокого вольтеровского кресла и бездыханно броситься в него, чтоб дослушать свой надтреснутый, увядший голос до того, как закончится радиопередача.

Он волновался. Вся жизнь была одним торжественным актом от начала и до конца. В Колонном зале.

В писательском морге и в писательской поликлинике.

Старик с седыми волосами заплакал. Он вспомнил дворянскую маму. Из Саратова.

Она не застигла его всесоюзную славу.

А ведь раньше, и еще очень долго, его называли опасно – "попутчик революции".

Страдая от угроз и намеков на арест, он утирал слезы бледным дворянским платком.

Он-таки плюхнулся в ветхое кресло с высокой спинкой с подушечкой и бахромой.

Успел!..

Но ненароком задел локтем стакан.

Кровь пролилась на брюки и почернела.

Погибшую кровь слизала кошка.

Свеча горела на столе,
Свеча горела...
А давно ли кадровые сотрудники Комитета государственной безопасности выискивали, жадно тряся пистолетами в наших детских безобидных душах, белые зимние стихи из романа!..

Мы родимся на свет.
Как-нибудь
Предвечернее солнце
Подзовет нас к окну.
Мы одухотворим наугад
Непривычный закат,
И при зрелище труб
Потрясемся,
Как потрясся,
Кто б мог
Оглянуться лет на сто назад.

Д.А.Поликарпов – М.А.Суслову

Михаил Андреевич!

К.А.Федин осуществил разговор с Пастернаком. Между ними состоялась часовая встреча.

Поначалу Пастернак держался воинственно, категорически сказал, что не будет делать заявления об отказе от Нобелевской премии и могут с ним делать все, что захотят.

Затем он попросил дать ему несколько часов времени для обдумывания позиции. После встречи с К.А.Фединым Пастернак пошел советоваться с Всеволодом Ивановым.

Сам К.А.Федин понимает необходимость в сложившейся обстановке строгих санкций по отношению к Пастернаку, если последний не изменит своего поведения".

Избавляй нища от сильна, и убога, ему же несть помощника, в беде и заточении, и узах сущаго, яко щедр милостивно свободи, прилежно милим ти ся.

Скоро услыши, и яко щедр помилуй.

Да внидет пред Тя воздыхание окованных:
По величию мышцы Твоея, снабди
сыны умерщвленных.

Все круче, все круче
Заламывать руки!
Меж нами не версты
Земные, – разлуки
Небесные реки, лазурные земли,
Где друг мой навеки уже –
Неотъемлем.

Марина Цветаева

... Снег растаял, стал летним. Пианист в черном спал на веранде на сундуке. А мертвый Борис дрожал гладко выбритым синеющим подбородком.

– Он умер и лицо окаменело сразу, сделалось чужим, тяжелым и страшным! – вымолвила Лара.

Женщина. Шаль накинута на плечи. Опустила голые белоснежные гладкие руки в гроб с цветами.

Ладони на озерных лотосах.

Поэт среди белых лотосов плакал ребенком.

Монах дочитал псалом. Закашлял, в горле высохло молоко, что тайком украл из бидона на подоконнике.

Перед смертью поэт пил молоко.

– Я причастился снегом! – шептал юноша в рясе.

Тихо, как в имбирном, свежем лесу.

УТРО похорон. Люди прощаются на коленях.

И горят свечи на солнце. Высохшее яблоко.

Кружка с недопитым молоком. Страстно-обреченные герои поэта. Лара с горящей грудью в березовых листьях.

Девочка раздета на кровати тем развратником, господином с бледным ликом и бородкой. Тросточка. Меблированная комната.

Снег и страсть. Прокаженная Россия.

В белом ватнике из роз позади Иисус Христос.

Приклони ухо Твое ко мне, Христа Бога моего Мати, от высоты многия Славы Твоея, Благая, и услыши стенания конечное, и руку ми подаждь.

Веранда пуста. Только гроб с поэтом. Горят свечи ковчега.

Читается псалтирь. Люди идут мимо гроба. Розовые блики весны и лета на лбу покойного. Льется Скрябин.

Стасик Нейгауз за роялем.

Пасынок гения.

И выходят на прохладный дворик люди. Слушают шорох листьев.

Сырая земля. Печаль. Траур. Лето. Осень. Зима.

Времена года.

Одухотворенное лицо завалено бедными цветами.

Лицо окостенело. Массивный подбородок. Страшная, чужая челюсть.

Плачут, подняли гроб на плечи. Понесли. Кричали одичалые голуби.

Несут гроб.

Вереница людей бредет полем.

Вон дача Конст. Васина с трубкой. Маршала литературы.

Наглухо захлопнуты двери.

Помещик заперт дочерью на дубовой даче.

Бледный и малокровный, чахоточный, гуляет в одиночестве по сиреневому саду.

Хриплый кашель. Руки Иуды чиркают спичкой.

– Это не моя кровь, – дрожал он в бреду. – Это кровь Пастернака!

Он три дня наблюдал стакан, обдумывая, и даже решился присобачить впечатление от темнеющей крови в граненом стакане к какому-нибудь герою в лазарете империалистической войны.

Он разлил кровь, случайно перевернув стакан.

Рыжая кошка замурлыкала.

Досадно. Досадно. Господа.

Гроб пронесли мимо дачи Конст. Васина. Прошумели листья и ветки поэзии. Конст. Васин испуганно замер.

Он побледнел. Он сдавил виски тщедушными руками.

Протопали кони гражданской войны.

Классик оглушил себя этой успокоительной мыслью, впадая в детство. И закутанный в плед Серапионов брат поплелся, бодро стуча крепкой палкой о сухую землю, радостно дыша густой смолой соснового бора, в громадный светлый кабинет за дубовый стол, вписывать эпизод с конями в одну из последних, завершающих глав "Пожара".

Что-нибудь ранневоенное, комиссарское.

Какой-нибудь поход на Белую Гвардию.

Переход через Сиваш...

Он вспомнил Германию, туманы над Рейном.

Потянуло к роялю. К звонким, отзывчивым клавишам.

Распахнуть черную крышку – он попросил это сделать горничную.

Вызвал бронзовым колокольчиком.

...Немного спустя, подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них: ибо и речь твоя обличает тебя.

Тогда он начал клясться и божиться, что не знает сего человека.

И вдруг запел петух.

Где-то в мире ином рыдал Скрябин. Земля, как град, обрушилась на крышку рояля.

А на рассвете – поэт в пещере. Кем-то отвален могучий камень.

Он поцелуями, этот человек, страстными и нежными, снимает плевки со лба Оплеванного.

Христос в белом на земле...

Барабанную дробь
Заглушают сигналы чугунки.
Гром позорных телег –
Громыхание первых платформ.
Крепостная Россия
Выходит
С короткой приструнки
На пустырь
И зовется

Россиею после реформ.

Фрагменты романа И.Оганова "Кровь Пастернака" печатаются также в журнале "Континент" 1994, № 1 (79)

РЕКЛАМА

Коллаж Ирины ШИПОВСКОЙ